Мир глазами кота Боба

Автор:
Джеймс Боуэн

Мир глазами кота Боба. Новые приключения человека и его рыжего друга

Джеймс Боуэн

Уличный кот по имени Боб #2

Музыкант, опустившийся на самое дно, и рыжий кот, оказавшийся на улице, – их судьба могла бы оказаться очень печальной, но однажды они встретились и помогли друг другу. Боб обрел дом, а Джеймс научился ответственности и начал новую жизнь.

С момента выхода первой книги о них прошло три года. Длинноволосый гитарист и рыжий кот в шарфе теперь известны во всем мире. Их фотографии появляются на страницах журналов, поклонники пишут комментарии на странице Джеймса и Боба в фейсбуке и приходят за автографом в книжные магазины. Ведутся переговоры о съемках фильма.

«Мир глазами кота Боба» – продолжение истории о том, как человек и кот спасли друг друга на улицах Лондона. Это рассказ об их буднях, радостях и печалях, трудностях и победах.

И о том, что надежда есть всегда.

Джеймс Боуэн

Мир глазами кота Боба

Всем, кто посвятил себя помощи бездомным и животным, попавшим в беду

Если рядом кошка, все становится особенным… даже одиночество.

Луис Камути

Если бы человека можно было скрестить с кошкой, человеку это пошло бы на пользу, а вот кошке только навредило бы.

Марк Твен

James BOWEN

The World According To Bob

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander

Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

© Dan Williams, Hachette UK

© Clint Images

© James & Bob Limited and Connected Content Limited 2013

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2014

Ночной дозорный

Это был один из тех дней, когда все, что могло пойти не так, пошло не так.

Сначала почему-то не сработал будильник, в результате я проспал, и мы с Бобом, моим котом, вышли из дому позже, чем обычно. Сев в автобус, который должен был отвезти нас из Тоттенхэма в Айлингтон, где я продавал журнал «Big Issue»[1 - «Big Issue» – журнал, созданный основателем парфюмерной империи «The Body Shop» Гордоном Роддиком и журналистом Джоном Бердом в Лондоне в 1991 году. Этот журнал не лежит на прилавках, его невозможно купить в киосках или взять со стола в кафе. Его можно приобрести единственным путем – у уличного продавца. За двадцать с лишним лет эта организация помогла тысячам и тысячам обездоленных людей зарабатывать себе на жизнь без попрошайничества и абсолютно легально. Для того чтобы стать продавцом, человек должен доказать, что он бездомный или скоро таковым станет. Он проходит инструктаж, ему зачитывают своеобразный кодекс поведения. Поставив подпись после прохождения необходимых условий, теперь уже продавец получает определенное количество журналов на руки. После продажи партии приходит за следующей. Выручка делится пополам: одна часть сдается, другая оставляется продавцу. – Здесь и далее примечания переводчика.], я попытался отдышаться, но не тут-то было: не прошло и пяти минут, как черная полоса напомнила о себе.

Боб, по своему обыкновению, дремал на соседнем сиденье, как вдруг он поднял голову и начал настороженно принюхиваться. За два года, что прошли с момента нашей первой встречи в подъезде, способность чуять неприятности ни разу не подводила этого рыжего кота. Не подвела и сейчас: вскоре и я почувствовал резкий запах горелой пластмассы, а водитель, старательно сдерживая панику в голосе, объявил, что «автобус дальше не пойдет» и пассажирам следует покинуть салон. Немедленно.

Конечно, на эвакуацию с «Титаника» это было мало похоже, но все-таки людей в автобус набилось порядочно, так что давки и толкотни хватило. Боб не выказал желания присоединиться к перепуганным пассажирам, поэтому мы дождались, когда большая часть выйдет, и оказались на улице одними из последних. И не пожалели о своем решении: пусть в автобусе и плохо пахло, зато там было тепло!

Мы сломались напротив района новостроек, откуда налетали шквалистые порывы ледяного ветра. Я мысленно порадовался, что, бестолково мечась утром по квартире, повязал Бобу на шею толстый шерстяной шарф.

Что касается автобуса, то с ним ничего страшного не случилось, просто двигатель перегрелся. Но водитель сказал, что придется ждать механика из транспортной компании. И почти два десятка человек, ворча и жалуясь на судьбу, полчаса стояли на открытом всем ветрам тротуаре, пока не пришел новый автобус.

Движение тем утром было невероятно плотным, поэтому, с учетом аварии, мы с Бобом потратили на дорогу до Айлингтон-Грин почти полтора часа. Мы сильно опаздывали: я боялся пропустить обеденный перерыв, во время которого торговля журналами шла особенно хорошо.

Пятиминутный переход до нашего участка у станции метро «Энджел», как обычно, растянулся на все пятнадцать. И не по моей вине! Иногда я вел Боба на длинном поводке, но чаще кот путешествовал у меня на плечах, с любопытством глядя на окружающий мир, подобно впередсмотрящему на старинном корабле. Согласитесь, такое не каждый день встретишь, поэтому почти каждые десять метров кто-нибудь здоровался с Бобом, просил разрешения погладить его или сфотографировать. Я никому не отказывал. Мой очаровательный харизматичный кот обожал быть в центре внимания, если, конечно, оно не доставляло ему неудобств. А вот с этим нам не всегда везло.

В тот день нас остановила невысокая дама из России; в общении с котами она разбиралась, как я в русской поэзии.

– Ой, какая красивая кошка! – воскликнула она, когда мы шли по Камден-пэсседж, улице в южной части Айлингтон-Грин, которая славится ресторанами, барами и магазинчиками сувениров.

Я замедлил шаг, чтобы дать ей возможность нормально пообщаться с Бобом, но дама первым делом почему-то попыталась потрогать его за нос. Не самое мудрое решение.

Рыжий моментально выгнулся, громко и сердито зашипел и резким взмахом лапы поспешил отогнать женщину, которая так нахально вторглась в его личное пространство. К счастью, он не успел ее поцарапать, но все же напугал, поэтому я не ушел, пока не убедился, что с ней все в порядке.

– Нормально, нормально, – твердила она, хотя заметно побледнела. – Я только хотела поздороваться.

Почтенный возраст дамы заставил меня понервничать: не случится ли у нее от испуга сердечный приступ?

– Никогда больше не делайте так с животными, – вежливо произнес я. – Как бы вы повели себя, вздумай кто-нибудь тыкать пальцами вам в лицо? Повезло еще, что он вас не поцарапал.

– Я не хотела его огорчить, – виновато улыбнулась она.

– Ну ладно, давайте не будем ссориться, – сказал я, взяв на себя роль примирителя.

Боб сначала без энтузиазма отнесся к этой затее, но в конце концов успокоился и позволил даме аккуратно погладить себя по спине. Та, в свою очередь, не переставала извиняться, а мне уже не терпелось от нее отвязаться.

– Простите, пожалуйста, – снова и снова повторяла она.

– Все в порядке, ничего страшного, – твердил я, чувствуя, как от натянутой улыбки уже сводит скулы.

Когда нам все-таки удалось добраться до станции метро, я первым делом поставил на тротуар рюкзак, чтобы Боб мог устроиться на нем со всем возможным комфортом, и принялся выкладывать пачки журналов, купленные накануне у местного координатора «Big Issue». Я поставил себе задачу продать по меньшей мере двадцать журналов, потому что нам, как обычно, нужны были деньги.

Но день, как вы помните, не задался.

Зловещие свинцовые облака с полудня наползали на Лондон; прежде чем я успел продать хотя бы один номер, небеса обрушились на землю, и нам с Бобом пришлось искать убежище в нескольких метрах от нашего участка, в проходе между банком и офисным зданием.

Боб – кот терпеливый и жизнерадостный, но он ненавидит дождь, особенно если на улице стоит промозглый холод. Пытаясь укрыться от противных капель, он весь съежился и как будто потускнел, словно надеялся, что ливень его не заметит. В результате прохожие почти не обращали на него внимания, и я продал меньше журналов, чем обычно.

Поскольку дождь не собирался прекращаться, Боб вскоре дал мне понять, что больше не хочет торчать на улице. Он продолжал недвусмысленно поглядывать на меня, свернувшись в клубок, словно рыжий ежик. Я понял, чего он от меня ждет, но не мог все бросить: приближались выходные, нужно было заработать достаточно денег, чтобы продержаться до понедельника. А пачка журналов, которую я принес с собой, кажется, не уменьшилась ни на сантиметр.

И как будто этого было мало, во второй половине дня поблизости начал околачиваться молодой полицейский. Он не в первый раз докучал нам с Бобом (и я прекрасно понимал, что не в последний), но как раз в тот день он был особенно не к месту. Я знал, что по закону имею полное право продавать журналы на своем участке у станции метро. У меня было удостоверение продавца «Big Issue», и я мог работать с утра до ночи, если не нарушал общественный порядок. К несчастью, у юного полицейского в тот день не нашлось других забот, кроме как мешать мне и моему рыжему напарнику. Не знаю, что именно он рассчитывал найти при обыске – наркотики или оружие, – но нам нечем было его порадовать.

Раздосадованный полицейский не сдавался: он начал расспрашивать меня о Бобе. Я объяснил, что этот кот официально принадлежит мне и у него даже есть микрочип. От этой новости у стража порядка окончательно испортилось настроение, но он все-таки оставил нас в покое.

Мы проторчали у метро еще пару часов, но ближе к вечеру, когда офисные работники ушли домой и улицы стали заполнять подвыпившие гуляки и ищущие приключений подростки, я решил, что хватит.

Я был недоволен собой: за весь день удалось продать всего десять журналов, хотя обычно у меня покупают в несколько раз больше. Мне не впервой было перебиваться купленными на распродаже консервами и хлебом, так что голодной смерти я не боялся. На то, чтобы оплатить газ и электричество и

купить еды для Боба, денег тоже хватит. Но после выходных придется снова торговать у метро, и мне этого очень не хотелось: прогноз погоды обещал новые дожди, а я уже сейчас себя не очень хорошо чувствовал. И понимал, что станет только хуже – с таким-то настроением…

В автобусе по пути домой я в полной мере ощутил первые признаки гриппа, захватывавшего моей организм. Меня мутило, волнами накатывал жар. «Супер, только этого не хватало!» – подумал я, вжимаясь в сиденье и закрывая глаза.

К тому времени небо из серо-стального стало чернильно-черным, и вовсю горели фонари. Ночной Лондон завораживал Боба; пока я дремал, он сидел и смотрел в окно, погрузившись в свой собственный мир.

Дорога до Тоттенхэма была забита, как и утром, и автобус плелся со скоростью улитки. Где-то после Ньюингтон-Грин я окончательно провалился в сон…

Я проснулся от того, что кто-то похлопывал меня по ноге и щекотал щеку усами. Открыв глаза, я увидел, как Боб, приблизив мордочку к моему лицу, лапой шлепает меня по колену.

– Что случилось? – спросил я немного сердито.

Боб в ответ повернул голову в сторону водительской кабины, после чего стал пробираться к проходу между сиденьями, периодически оборачиваясь и бросая на меня обеспокоенные взгляды.

– И куда ты собрался? – начал было я, но вовремя посмотрел в окно и понял, где мы.

– Вот блин!

Я подскочил с места, схватил рюкзак и нажал на кнопку остановки. Проспи я еще полминуты – и было бы поздно. Если бы не мой ночной дозорный, мы бы уехали неизвестно куда.

По пути домой я заглянул в круглосуточный магазин на углу, купил дешевое лекарство от гриппа, корм для Боба и его любимое куриное рагу. Это было

меньшее, что я мог сделать, чтобы извиниться перед другом за целый день под дождем. В такие моменты я легко поддавался унынию, но, вернувшись в нашу теплую квартирку и глядя на то, как Боб с жадностью поглощает ужин, я понял: если подумать, жаловаться мне не на что. Не разбуди меня кот, я уехал бы на автобусе на другой конец города – и неизвестно, сколько добирался бы обратно. А учитывая, что погода за окном становилась все хуже… Проведи я под дождем еще пару часов, одним гриппом дело бы не ограничилось. Так что мне еще повезло!

И я знал, что повезло мне не только в этом. В конце концов, есть же старинное высказывание: «Мудрец – это человек, который не жалеет о том, чего у него нет, но благодарен за то хорошее, что у него есть».

После ужина я сидел на диване, завернувшись в одеяло и прихлебывая горячий напиток из кипятка, меда, лимона и капли виски – на мое счастье, в доме завалялась миниатюрная бутылочка. Вполне довольный жизнью Боб посапывал на любимом месте у батареи, забыв о том, сколько проблем сегодня выпало на нашу долю. Я подумал, что мне стоит так же смотреть на мир. Ведь сейчас в моей жизни очень много того, за что следует быть благодарным.

Два года назад, возвращаясь к себе, я обратил внимание на бродячего рыжего кота, который лежал у чьей-то двери на первом этаже дома, где я жил. В слабом свете тусклой лампочки он выглядел так, будто на него кто-то напал: я заметил несколько ран у него на спине и на лапе.

Сначала я подумал, что это чей-то кот – несколько дней я встречал его на том же самом коврике, – но потом забрал его к себе и стал за ним ухаживать. Мне пришлось выгрести из карманов почти все деньги, чтобы оплатить лекарства и вылечить рыжего, но оно того стоило. Между нами с первого дня возникло удивительное взаимопонимание.

Впрочем, сначала я думал, что кот ненадолго задержится в моей жизни. Он явно был бродячим, и я справедливо полагал, что, отдохнув, он захочет вернуться на улицу. Кот настойчиво убеждал меня в обратном. Каждый раз, когда я выводил его во двор и уходил на работу, он шел за мной или встречал у двери, когда я возвращался домой. Говорят, кошки сами выбирают себе хозяев. Я понял, что Боб выбрал меня, когда он прошел вслед за мной больше мили до автобусной

остановки на Тоттенхэм-хайроуд. Мы были далеко от дома; когда я отогнал кота, тот быстро затерялся в толпе, и я уже думал, что больше никогда его не увижу. Но между закрывающихся дверей автобуса успела проскочить рыжая молния – и вот уже кот устраивается на соседнем сиденье, будто так и должно быть. Меня выбрали.

С тех пор мы, две потерянные души, вместе странствуем по улицам Лондона.

Иногда мне кажется, что мы с Бобом действительно родственные души: каждый из нас помогает другому залечить раны, полученные в прошлом. Я подарил Бобу дружбу, еду и обеспечил ему теплое место для сна, а он в ответ дал мне надежду и показал новый путь. Вместе с ним в моей жизни появились верность, любовь, хорошее настроение, а также чувство ответственности, которым я прежде, увы, не мог похвастаться. Благодаря рыжему коту я обрел цель и впервые за долгое время посмотрел на мир трезвым взглядом.

Больше десяти лет я страдал от наркотической зависимости, спал в подворотнях или в приютах для бездомных; изредка мне выделяли муниципальное жилье. Я не представлял, что творится вокруг, для меня существовал один лишь героин, который помогал забыть об одиночестве и боли, наполнявшей мою жизнь.

Очутившись на улице, я словно превратился в невидимку; в результате я почти забыл, как общаться с людьми и вести себя в реальном мире. В некотором смысле я перестал быть человеком. Для остального мира я был мертв. Но с помощью Боба я постепенно возвращался к жизни. Я проделал большую работу по избавлению от своей зависимости: сначала слез с героина, потом с метадона. Я по-прежнему принимал лекарства, которые прописал врач, но уже видел свет в конце туннеля и надеялся в ближайшем будущем окончательно освободиться.

Этот путь был далеко не легким. Наркоману всегда непросто возвращаться к нормальной жизни. Сделав два шага вперед, я по-прежнему отступал на шаг, и работа на улице не способствовала избавлению от этой привычки. Продавцы «Big Issue» редко становятся объектом человеческой любви и всепрощения. За углом всегда поджидают проблемы; во всяком случае, меня они там регулярно ждали. Я словно магнит для неприятностей. И всегда им был.

Правда в том, что я отчаянно хотел покончить с улицей и оставить в прошлом эту часть моей жизни. Я понятия не имел, как и когда сделаю это, но был

решительно настроен попытаться.

Сейчас важно было научиться ценить то, что у меня есть. Большинство сказали бы, что это немного. Мне почти всегда не хватало денег, я жил в муниципальной квартире, машины у меня не было. Но по сравнению с недавним прошлым моя жизнь значительно улучшилась. Я не спал на улице и каждый день торговал журналами. Впервые за долгие годы я чувствовал, что двигаюсь в правильном направлении, – и рядом был Боб, всегда готовый подставить дружеское плечо и указать верный путь.

Встав с дивана, чтобы отправиться в кровать, я наклонился над котом и тихонько почесал его за ухом:

– Где бы я сейчас был, если бы не ты?..

Новые фокусы

Все мы существа привычки, и мы с Бобом в этом отношении мало отличаемся от других людей (и котов). Например, у нас с рыжим есть свои утренние ритуалы. Кто-то, едва проснувшись, включает радио, кто-то делает зарядку, заваривает чай или наливает себе чашку крепкого кофе, а мы начинаем день с совместных игр.

Стоит мне открыть глаза и заворочаться под одеялом, как Боб вскакивает со своей лежанки в углу спальни, подходит к моей кровати и пристально на меня смотрит. Вскоре рыжий принимается издавать звуки, похожие на зуммер телефона: «Брррр… Брррр…»

Если это не помогает мне проснуться, Боб переходит к следующей композиции: теперь до меня доносится настойчивое жалобное «ваааа!». Иногда кот при этом ставит передние лапы на матрас, подтягивается и заглядывает мне в глаза.

Если я по-прежнему не реагирую, Боб мягко похлопывает меня лапкой по щеке: «Очнись! Я давно встал! Я хочу есть, где мой завтрак?» Хозяин проснулся, но не торопится вылезать из-под одеяла? Тогда пришло время для «Кота в сапогах»! Подобно герою мультфильма о зеленом великане Шреке, Боб забирается на кровать и делает большие-пребольшие глаза. Это невероятно милое и невероятно мощное оружие! Я не могу сдержать улыбку. И откидываю одеяло.

В тумбочке рядом с кроватью я всегда храню пакетик с любимыми лакомствами Боба. В зависимости от настроения я либо беру кота в кровать, прижимаю к себе и кормлю прямо там, либо принимаюсь играть с ним, бросая кусочки корма на ковер. Эта импровизированная охота обычно продолжается несколько минут, и мне доставляет огромное удовольствие наблюдать за рыжим. Кошки – существа очень ловкие и подвижные; Боб ловит «добычу» на лету, словно игрок в бейсбол или крикет: встает на задние лапы и хватает кусочки лакомства передними. Пару раз он ловил их сразу ртом. Замечательное зрелище, скажу я вам!

Если я устал или неважно себя чувствую, Боб развлекается в одиночестве.

Однажды летом я лежал в кровати и смотрел какую-то утреннюю передачу. День обещал быть жарким, и я уже представлял, как душно будет у нас на шестом этаже. Боб спрятался от солнца в темном углу и задремал. Во всяком случае, я так подумал.

Внезапно он вскочил, подбежал к кровати, подпрыгнул, как на трамплине, и врезался в стену, ударившись о нее всеми четырьмя лапами.

– Это еще что такое?! – ошарашенно воскликнул я (согласитесь, не каждый день мимо вас пролетает кот).

А потом увидел на кровати свалившуюся со стены многоножку. Боб не сводил с нее глаз и явно собирался включить насекомое в сегодняшнее меню.

– Даже и не думай! – предупредил я рыжего, вспомнив, что многоножки бывают ядовитыми. – Ты же не знаешь, откуда она взялась.

Боб смерил меня укоризненным взглядом, в котором ясно читалось: «Ну вот, испортил все веселье!»

Меня всегда удивляли ловкость и сила моего рыжего друга. Кто-то из наших знакомых предположил, что, быть может, в роду у Боба были мейн-куны, рыси или дикие камышовые коты. Я не исключаю такой возможности. В конце концов, жизнь Боба до нашей с ним встречи для меня до сих пор остается тайной, покрытой мраком. Я даже не знаю точно, сколько ему лет. Только сделав ДНК-тест, я смогу узнать, к какой породе он принадлежит и кто его родители. Но, признаюсь, меня это мало волнует. Боб – это Боб. Вот и все, что мне нужно знать.

Я был не единственным, кто полюбил Боба за жизнерадостность и непредсказуемость. К весне 2009-го мы с ним продавали «Big Issue» уже почти год. Сначала нам выделили участок у станции метро «Ковент-Гарден» в центре Лондона, но потом мы перебрались в Айлингтон, заняли свою маленькую нишу, и вскоре Боб обрел небольшой, но преданный круг почитателей.

Насколько я знал, среди лондонских продавцов журнала только я взял в напарники кота. Но даже если и была еще одна подобная команда, сомневаюсь, что тот кот мог составить Бобу конкуренцию по части развлечения толпы.

На заре наших отношений, когда я зарабатывал на жизнь, играя на гитаре у площади Ковент-Гарден, Боб, спокойный и умиротворенный, словно Будда, восседал на чехле для инструмента и смотрел, как мимо спешат люди. Это зрелище притягивало прохожих с непреодолимой силой: они останавливались, чтобы погладить кота или просто полюбоваться на него. Очень часто меня спрашивали, где я нашел такое сокровище, и тогда я рассказывал о нашей встрече. Этим все обычно и ограничивалось.

Но с тех пор, как мы начали продавать журналы, Боб стал гораздо активнее. Нередко в течение рабочего дня я присаживался на тротуар, чтобы поиграть с напарником. Со временем мы с ним придумали немало трюков.

Сперва рыжий сам развлекал прохожих. Ему нравилось играть, поэтому я приносил с собой маленькие игрушки, чтобы он мог повалять их и погрызть, пока я работаю. Больше всего Бобу нравилась серая мышка, которая когда-то пахла кошачьей мятой. Впрочем, она давно перестала вообще чем-либо пахнуть, да и выглядела теперь совсем непрезентабельно. Швы кое-где начали расползаться, а из просто серой мышка превратилась в грязно-грязно-серую. У Боба было полно других игрушек, многие из которых ему подарили почитатели, но к

потрепанной мышке он испытывал особую симпатию.

Когда мы сидели у станции «Энджел», рыжий держал мышку в зубах, время от времени мотая головой. Иногда он раскручивал ее за хвост, отбрасывал в сторону, стремительно бросался к несчастной жертве – и начинал все сначала. Бобу нравилось охотиться на живых мышей, но такое с ним случалось нечасто, так что он старательно тренировался на игрушечной. Прохожим это зрелище нравилось; я не раз и не два замечал, как люди, спешившие к метро, минут по десять стояли и наблюдали за Бобом и его «охотой».

Я начал играть с напарником скорее от скуки, чем от желания привлечь покупателей. Сперва мы отработали рукопожатие. Я протягивал руку, и Боб тянул мне навстречу лапу. Мы всего лишь повторяли то, что делали дома, но люди сочли, что это выглядит очень мило. Многие останавливались, чтобы нас сфотографировать. Если бы я получал фунт каждый раз, когда кто-нибудь – чаще всего дама – замирал возле нас с Бобом и восторженно произносил: «Боже, как мило» или «О, это чудесно», то давно бы перестал торговать журналами.

Морозить задницу на улице – не самое веселое времяпрепровождение, так что я играл с Бобом не только на потеху толпе. Это помогало мне скоротать время и хоть как-то развлечься. И, не буду скрывать, благодаря нашим играм люди охотнее покупали журналы. Так что за хорошую торговлю мне тоже стоило благодарить Боба.

Мы провели немало часов у станции «Энджел» и успели поработать над своим репертуаром. Я знал, что ради угощения Боб готов высоко прыгать, быстро бегать и проделывать другие трюки. Иногда я брал в руку крекер и держал его в паре футов над котом. Пытаясь достать вожделенное лакомство, рыжий вставал на задние лапы, вытягивался в струнку и обхватывал передними лапами мое запястье. Потом он осторожно отпускал одну лапу и выковыривал угощение из моих пальцев.

У окружающих этот трюк вызывал массу восторга. Наверное, по улицам Лондона ходили сотни людей с фотографиями Боба, тянущегося к небу. Мы же с котом решили не останавливаться на достигнутом. Поскольку рыжий очень крепко хватался за мою руку, я стал медленно и аккуратно поднимать его в воздух так, что кот повисал на вытянутых лапах в нескольких дюймах над землей.

Иногда он сам разжимал лапы через несколько секунд, иногда я осторожно ставил его обратно. Я старался обеспечить Бобу мягкую посадку и обычно перед представлением подкладывал под него рюкзак.

Чем больше трюков мы показывали, тем больше люди к нам тянулись; их любовь к Бобу проявлялась не только в покупке журнала «Big Issue». С самого первого дня на станции «Энджел» окружающие были к нам невероятно щедры: они приносили угощение не только для Боба, но и для меня. И дело не ограничивалось едой: нам часто отдавали одежду, причем нередко связанную или сшитую вручную. Боб собрал целую коллекцию разноцветных шарфов. Их было так много, что я уже не знал, куда их складывать! По всей квартире можно было собрать штук двадцать. Мой кот стремительно превращался в Имельду Маркос [2 - Имельда Маркос – жена десятого президента Филиппин Фердинанда Маркоса. Прославилась любовью к роскоши – она тратила миллионы долларов на драгоценности и одежду. Ей принадлежало более 3000 пар обуви.], только с шарфиками, а не с туфлями.

Каждый раз, когда незнакомые люди одаривали нас любовью и теплом, меня переполняло чувство благодарности. Впрочем, я ни на миг не забывал, что далеко не у всех мы с Бобом вызываем исключительно положительные эмоции. Да мне никто бы и не позволил забыть…

Приближалось самое плодотворное для работы время – вечер пятницы; с каждой минутой станция метро поглощала и выпускала из своих недр все больше народу. Пока я метался между прохожими и продавал журналы, Боб, не обращая внимания на суету вокруг, рассеянно покачивал хвостом, с комфортом устроившись на моем рюкзаке.

Часов в семь основная толпа схлынула, и я заметил в нескольких метрах от нас незнакомую женщину средних лет. Я понятия не имел, сколько она там стояла, но то, как неотрывно она смотрела на Боба, мне не понравилось.

Женщина бормотала себе под нос и неодобрительно качала головой. Я понял, что ей что-то не нравится, но не горел желанием выяснять что именно: у меня оставалось еще несколько номеров, и я собирался продать их, чтобы спокойно пережить выходные.

К несчастью, у незнакомой дамы были другие планы.

– Молодой человек, вы разве не видите, что вашей кошке плохо? – спросила она, подходя к нам.

Эта дама держалась так, будто была учительницей или даже директрисой дорогой школы. Она разговаривала с резким английским акцентом, но мятая твидовая юбка и несвежий пиджак портили все впечатление. Вряд ли какая-нибудь школа захотела бы нанять ее на работу, слишком уж грубо, чуть ли не агрессивно она себя вела.

Я сразу почувствовал, что нам грозят неприятности, поэтому решил сделать вид, что не расслышал вопрос. Но женщина не унималась, она явно настроилась на скандал.

– Я давно наблюдаю за вами и вижу, что ваш кот дергает хвостом. Вы знаете, что это значит?

Я пожал плечами. В любом случае она сама собиралась ответить на свой вопрос.

– Это значит, что коту плохо. Вы не должны так с ним обращаться. Я не думаю, что вам вообще можно доверять животных.

С тех пор, как мы с Бобом начали работать на улице, я не в первый раз слышал подобные замечания. Но я был вежливым и вместо того, чтобы попросить даму не лезть не в свое дело, зачем-то принялся оправдываться:

– Он не дергает хвостом, он водит им из стороны в сторону. И это значит, что ему все нравится. В противном случае, мадам, он бы здесь не сидел. Это кот. Коты сами выбирают, где и с кем быть. И он волен идти, куда ему вздумается.

– Тогда почему он на поводке? – ехидно поинтересовалась она с выражением крайнего самодовольства на лице.

– Я надеваю ему поводок, только когда мы с ним идем по улице. Однажды его напугали, он сбежал и очень переживал из-за того, что не мог меня найти. Когда ему нужно сходить в туалет, я отпускаю его без поводка. И если бы ему что-то не нравилось, как вы утверждаете, он, наверное, не стал бы ко мне возвращаться.

Поскольку это был не первый подобный разговор, я знал, что 99 человек из 100 сочтут мои аргументы разумными и весомыми. Но в тот вечер нам встретился тот самый один процент, который будет до конца стоять на своем. Дама принадлежала к числу людей, полагавших, что есть два мнения: их собственное и неправильное. И если вы имели наглость с ними спорить, вам же хуже.

– Нет, нет, нет. Всем известно, что кошки мотают хвостом, когда им плохо, – бросилась в наступление дама, раскрасневшись от возмущения. Она размахивала руками и беспокойно мерила шагами тротуар.

Бобу эта женщина сразу не понравилась; он всегда чувствовал, от кого стоит ждать проблем. Поэтому рыжий встал с нагретого места и начал пятиться в мою сторону; вскоре он уже стоял у меня между ног, чтобы при первых же признаках опасности запрыгнуть на руки.

Пара человек обратили внимание на взволнованную женщину и замедлили шаг; теперь я знал, что, если она скажет или сделает что-то из ряда вон выходящее, у меня будут свидетели. Мы спорили уже несколько минут. Я попытался успокоить даму, рассказав немного о нас с Бобом:

– Мы вместе уже два года. Да он бы сбежал через минуту, если бы я плохо с ним обращался!

Но нам попалась абсолютно непробиваемая особа. В ответ на любую реплику она качала головой и возмущенно цокала языком. Казалось, она не слышала ни слова из того, что я говорю. Это невероятно раздражало, но я понятия не имел, что еще можно сделать. И решил смириться с тем, что переубедить ее не получится.

– Может, останемся каждый при своем мнении? – предложил я.

– Пффф! – махнула она рукой. – Я ничего не желаю слышать, молодой человек.

Наконец, к моему огромному облегчению, она пошла прочь, продолжая бубнить что-то на ходу и размахивать руками, задевая людей в толпе, бурлящей у входа в метро.

Я какое-то время провожал ее взглядом, но потом меня отвлекли покупатели. К счастью, им не показалось, что я плохо обращаюсь с Бобом. После неприятного разговора с дамой их улыбки были особенно приятны. Протягивая одному из покупателей сдачу, я услышал за спиной знакомое пронзительное мяуканье, переходящее в шипение. Подпрыгнув на месте, я обернулся и увидел ту самую даму в твидовом костюме. Она не просто вернулась, она посмела схватить Боба!

Пока я занимался продажей журналов, она вытащила кота из рюкзака и теперь прижимала его к себе. В ее жесте не было ни любви, ни желания защитить; одной рукой она поддерживала Боба под живот, другую положила ему на спину. По всему было видно, что коту неудобно, но она не обращала внимания. Создавалось впечатление, что она впервые в жизни держит в руках живое существо. С таким же успехом она могла держать кусок мяса или кабачок.

Бобу это решительно не нравилось, он шипел и извивался, пытаясь вырваться на свободу.

– Вы что творите? – рявкнул я. – Отпустите его немедленно, иначе я вызову полицию!

– Его нужно отнести в безопасное место, – пробормотала дама; выражение лица у нее в тот момент было полубезумное.

Я подумал, что она решила сбежать вместе с Бобом. Господи, только не это! Я приготовился бросить оставшиеся журналы на произвол судьбы и пуститься в погоню за похитительницей кошек.

К счастью, она не все продумала: поводок Боба был по-прежнему пристегнут к моему рюкзаку. На секунду все замерли. Женщина внимательно смотрела на карабин поводка.

– Даже и не думай! – пробормотал я, кидаясь вперед, чтобы перехватить ее.

Мне удалось застигнуть даму врасплох, что дало Бобу шанс вырваться. Он издал еще один истошный «мявк» и вывернулся из ее хватки. Он не оцарапал свою похитительницу, но чувствительно вдавил лапу ей в руку; женщина испугалась и уронила кота на тротуар. Он приземлился неловко, но моментально обрел равновесие, выгнулся дугой, оскалился и зашипел на даму.

Она, естественно, сочла его поведение еще одним доказательством своей правоты.

– Посмотрите, какой он злой! – воскликнула она, указывая на Боба и обращаясь к собравшейся вокруг нас толпе.

– Он злится, потому что вы схватили его без разрешения, – отрезал я. – Боб только мне разрешает брать его на руки. А вы ему не нравитесь!

Но дама не собиралась сдаваться. Теперь, когда мы привлекли внимание прохожих, она с удовольствием играла на публику.

– Нет, он так ведет себя, потому что вы плохо с ним обращаетесь, – торжествующе произнесла она. – Все это видят. Вот почему кота у вас нужно забрать. Он не хочет с вами оставаться.

Разговор снова зашел в тупик. Зрители затаили дыхание в ожидании моей реакции. Но тут Боб решил сказать свое слово. Он смерил женщину презрительным взглядом, подошел ко мне и начал тереться головой о мою ногу. Когда я наклонился, чтобы погладить его, он замурчал так громко, что его было слышно, несмотря на вечерний уличный шум.

Успокоившись, Боб сел и посмотрел на меня, слегка прищурившись, словно хотел сказать: «Ну что, теперь мы можем поиграть?» Я тут же достал из кармана угощение. Боб встал на задние лапы и схватил меня за руку. Я скормил ему лакомство, и довольный кот вызвал у толпы несколько умиленных вздохов.

Порой у меня не укладывалось в голове, насколько тонко мой рыжий друг умеет чувствовать ситуацию. В тот день он явно играл на публику, словно хотел донести до окружающих: «Я с Джеймсом, и я счастлив быть с ним. Те, кто думают иначе, ошибаются. И точка». И большинство зрителей его прекрасно поняли. Некоторые из них были нашими постоянными клиентами; они не в

первый раз покупали журналы или останавливались, чтобы поздороваться с Бобом. И теперь они повернулись к даме в твидовом костюме.

– Мы знаем этого чувака, он клевый, – сказал парень в деловом костюме.

– Да, оставьте их в покое. Они никому не мешают, и этот молодой человек прекрасно обращается со своим котом, – добавила женщина средних лет.

Еще несколько человек ее поддержали. И никто не встал на сторону несостоявшейся похитительницы.

Дама в твидовом костюме возмущенно надулась. Ее лицо теперь было даже не красным, нет, оно приобрело бордовый оттенок. Она пыталась еще что-то сказать, но ее никто не слушал. Все слова уже были произнесены, эту битву она проиграла. Поэтому дама повернулась на каблуках и, гордо вскинув голову, удалилась. Теперь уже, к счастью, насовсем.

– Джеймс, ты в порядке? – спросил один из наблюдавших за нашей ссорой, когда я присел, чтобы осмотреть Боба.

Кот громко мурчал и в целом выглядел хорошо; судя по всему, падение на тротуар ему не повредило.

– Да, спасибо, – ответил я, хотя это и не было правдой.

Я ненавидел, когда люди думали, будто я каким-то образом использую Боба. Это сильно ранило меня. В некотором смысле мы с рыжим оказались жертвами обстоятельств. Но я был абсолютно уверен, что он хочет быть рядом. Боб не раз убеждал меня в этом. К несчастью, на тот период нашей жизни это означало, что ему приходилось работать со мной на улице. Выбора не было.

И это превращало нас в ходячие мишени для осуждения. Не стану кривить душой, мы с рыжим – везунчики, чаще всего нам встречались хорошие люди. И я научился мириться с теми, кто таковыми не был.

Бобомобиль

Как-то в начале лета, когда погода только начала радовать жителей Лондона теплыми деньками, я задумал уйти с работы пораньше. Безоблачное небо настроило всех на добрый лад, и я с успехом этим воспользовался, распродав запас журналов всего за несколько часов.

С тех пор как я начал работать в «Big Issue», я научился планировать траты, поэтому решил купить пару пачек про запас, чтобы хватило до конца недели. Посадив Боба на плечи, я направился к Рите, нашему координатору. Ее стойка находилась в северной части Айлингтон-хайстрит, то есть как раз по пути к автобусной остановке.

Я издалека заметил, что Рита оживленно беседует с группой продавцов в красных накидках. Подойдя поближе, я рассмотрел предмет обсуждения – велосипед. Поскольку мы с Ритой хорошо ладили, я позволил себе пошутить:

– Собираешься участвовать в «Тур де Франс»?

– Вряд ли, Джеймс, – улыбнулась она. – Один продавец обменял его на десять журналов. А я теперь ума не приложу, что с ним делать. Я и кататься-то толком не умею.

Велосипед был не в лучшем состоянии: руль кое-где покрылся ржавчиной, передняя фара треснула, краска облезла, а заднее крыло и вовсе было наполовину оторвано. Но никаких существенных повреждений я не заметил.

– Он на ходу? – спросил я Риту.

– Думаю, да, – пожала плечами девушка. – Продавец сказал, что есть какие-то проблемы с тормозами, но остальное вроде в порядке.

Она заметила, что я напряженно о чем-то думаю.

– Почему бы тебе не прокатиться? – предложила Рита.

– И правда. Приглядишь за Бобом?

Я не был Брэдли Уиггинсом [3 - Сэр Брэдли Марк Уиггинс – британский велогонщик, четырехкратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира и победитель «Тур де Франс».], но велосипеды любил с детства, и за то время, что жил в Лондоне, кататься не разучился. Пару лет назад я даже ходил на курсы по сборке велосипедов (это было частью реабилитационной программы), так что представлял, как нужно ухаживать за железным конем. Приятно осознавать, что не все годы бродяжничества прошли впустую.

Передав кота Рите, я перевернул велосипед вверх колесами, чтобы тщательно его осмотреть. Шины были накачаны; судя по состоянию цепи, ее регулярно смазывали – ничего нигде не заедало. Отрегулировав сиденье (предыдущий владелец был ниже меня ростом), я поставил велосипед на дорогу и попробовал проехаться. Шестерни не мешало бы прочистить, а передние тормоза, как и предупреждала Рита, толком не работали. Мне приходилось изо всех сил давить на рычаг, чтобы добиться от них хоть какой-то реакции, но даже в этом случае велосипед не останавливался. Я понял, что проблема в тросах, и прикинул, как это можно исправить. Задние тормоза работали нормально, и больше мне ничего не надо было знать.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросила Рита, когда я все ей выложил.

– Я хочу сказать, что на велосипеде вполне можно ездить, – ответил я. К тому времени я уже дозрел. – Что скажешь, если я дам тебе за него десятку?

– Да ладно! Ты уверен? – удивилась Рита.

– Да.

– Договорились, – улыбнулась она. – Думаю, тебе пригодится вот это.

Она порылась под тележкой с журналами и достала потрепанный черный велосипедный шлем.

Спасение вещей, которые люди без сожаления отправляли на свалку, было моим хобби, у меня в квартире вечно валялся всякий хлам, от старых манекенов до

дорожных знаков. Но велосипед – другое дело. Если задуматься, это было моим первым серьезным вложением. Он пригодится мне в Тоттенхэме, где я смогу ездить на нем в магазин или к доктору. Сэкономив на транспорте, я быстро верну потраченную на велосипед десятку. Конечно, до Айлингтон-Грин и до центра Лондона по-прежнему придется добираться на автобусе или на метро – я не отважусь сунуться на оживленные главные дороги и развязки, слишком уж часто там сбивают велосипедистов.

И вот когда я уже мысленно очертил доступные мне велосипедные маршруты, у меня возник вопрос: «А как я его до дома-то довезу?»

Водители автобусов не пускают пассажиров с велосипедами; о том, чтобы протащить его в метро, лучше и не думать – меня остановят еще у турникетов. Можно было попробовать доехать на электричке, но все железнодорожные станции располагались слишком далеко от нашего дома.

«Ничего не поделаешь», – вздохнул я.

– Ладно, Боб, домой мы поедем на велосипеде, – предупредил я кота.

Рыжий в это время грелся на солнышке, развалившись на тротуаре рядом с Ритой, но не забывал одним глазом на меня поглядывать. Когда я испытывал велосипед, он даже повернул голову в мою сторону, словно хотел сказать: «Это что еще за зверь и зачем ты на него забрался?»

Когда я надел шлем, закинул на спину рюкзак и подкатил велосипед к Бобу, любопытство в его взгляде сменилось настороженностью.

– Давай, Боб, запрыгивай, – ободряюще сказал я, наклоняясь к коту, чтобы он смог забраться ко мне на плечи.

– Удачи! – улыбнулась Рита.

– Спасибо. Думаю, она нам понадобится.

Айлингтон-хайстрит в это время дня была забита машинами до такой степени, что почти не двигалась, так что я решил довести велосипед по тротуару до

Айлингтон-Мемориал-Грин. Несколько полицейских посмотрели на нас с любопытством, но ничего не сказали. Нет закона, запрещающего ездить на велосипеде с котом на плечах. Во всяком случае, я о таком не слышал. Впрочем, если бы они захотели, то нашли бы, к чему прицепиться. Но, слава богу, в тот день у них были дела поважнее.

Я не хотел ехать по хайстрит, поэтому прошел с велосипедом по пешеходному переходу. Люди провожали нас удивленными взглядами, а некоторые не скрывали восхищения. Многие останавливались и тыкали в нашу сторону пальцами, словно мы были существами с другой планеты.

Срезав угол на Мемориал-Грин и пройдя мимо книжного магазина «Waterstones», мы оказались на Эссекс-роуд, главной дороге, ведущей в северную часть Лондона.

– Ну, поехали, Боб! – сказал я, набираясь смелости, чтобы влиться в оживленный поток машин.

Вскоре мы уже прокладывали путь между автобусов, легковых автомобилей и грузовиков. Нам потребовалось немного времени, чтобы приноровиться к новому способу передвижения. Пока я следил за тем, чтобы удержать равновесие, Боб пытался поудобнее устроиться у меня на плечах. Отказавшись от мысли о том, чтобы встать на все четыре лапы, он предпочел обернуться вокруг моей шеи так, чтобы иметь возможность смотреть, куда мы едем. Рыжий явно намеревался получить максимум удовольствия от поездки.

Полдень миновал, и на улицах было много детей, возвращавшихся домой после уроков. На Эссекс-роуд нам встретилось несколько групп в школьной форме; завидев Боба, дети принимались улыбаться и махать руками. Я как-то попытался помахать в ответ, но потерял равновесие, отчего Боб съехал на одно плечо.

– Упс! Прости, друг! Больше так не буду, – сказал я, выровняв велосипед.

Мы продвигались вперед не слишком быстро; из-за плотного движения нам все время приходилось притормаживать, и каждый раз какой-нибудь прохожий спрашивал, можно ли нас сфотографировать. Две школьницы и вовсе выскочили на дорогу чуть ли не мне под колеса!

– Боже, как это мило! – воскликнула одна; в попытке заполучить лучший кадр она чуть не опрокинула нас на землю.

Я несколько лет не садился на велосипед и теперь был не в лучшей форме. Время от времени я останавливался у тротуара, чтобы восстановить дыхание. Прохожие улыбались, глядя на нас; впрочем, были и те, кто неодобрительно качал головой.

– Придурок, – буркнул мужчина в костюме.

Я себя придурком не считал. Более того, мне было весело. И Бобу тоже нравилось кататься на велосипеде. Поскольку во время езды его голова была рядом с моей, я чувствовал, как он довольно мурчит.

Мы доехали до Ньюингтон-Грин, затем повернули к Кингслэнд-роуд, после чего поехали к Севен-Систерс. Я с нетерпением ждал, когда же начнется этот участок пути; до этого дорога была ровной, за исключением пары небольших подъемов и спусков, но там она должна была почти милю идти под уклон. И я надеялся немного передохнуть, пока велосипед катится сам по себе.

Все вышло даже лучше, чем я рассчитывал: на Севен-Систерс сделали выделенную полосу для велосипедистов, и в тот момент она была совершенно пуста. Мы с Бобом припустили с холма; теплый летний ветер дул нам в лицо.

– Ю-ху! Здорово, правда, Боб? – воскликнул я.

Я чувствовал себя, как Элиот в фильме «Инопланетянин». Нет, я, конечно, не думал, что мой велосипед оторвется от земли и мы с Бобом полетим над крышами северного Лондона, но все же в какой-то момент мы развили неплохую скорость – миль двадцать в час, не меньше.

Остальная дорога была забита; люди в машинах опускали стекла, чтобы впустить в салон немного свежего воздуха. Я надолго запомню выражения их лиц, когда мы проезжали мимо. Пара детишек даже высунулись в люк на крыше, чтобы получше нас разглядеть. Некоторые водители смотрели так, будто не верили своим глазам. И я их понимаю. Рыжие коты нечасто катаются на велосипеде.

На дорогу до дома мы потратили всего полтора часа. Не так много, если учесть, сколько раз нам пришлось останавливаться. Когда мы въехали во двор, Боб спокойно спрыгнул на землю, словно вышел из автобуса. Рыжий не изменил себе: да, он прежде никогда не ездил на велосипеде, но теперь для него это пройденный этап, так что ничего из ряда вон выходящего не случилось.

Остаток дня я занимался велосипедом: чинил тормоза и смазывал шестерни.

– Ты только посмотри! – сказал я Бобу, отступая и любуясь своей работой. – Теперь у нас есть Бобомобиль!

Не уверен, но, кажется, рыжий одобрительно покачал головой.

Люди часто спрашивают, как нам с Бобом удается так легко общаться друг с другом.

– Все просто! – обычно отвечаю я. – Боб разговаривает на своем языке, а я научился его понимать.

Может, звучит не слишком правдоподобно, но никак иначе я это объяснить не могу.

Боб выражает свои мысли и желания при помощи языка тела. У него есть набор сигналов, используя которые кот ясно дает понять, как он себя чувствует и что ему нужно. Например, если он хочет в туалет, когда мы идем по улице, то начинает явственно ворчать, а потом беспокойно елозит у меня на плечах. И я понимаю, что кот выглядывает поблизости кусок мягкой земли, где можно сделать свои дела.

Если я веду его на поводке, а Боб устал и хочет на руки, он издает тихий полумявк-полустон. И отказывается идти дальше. Сидит и смотрит на меня: «Давай, друг, посади меня на плечи, ты же видишь, я устал!»

Когда Боб чего-то боится, он старается забраться повыше; если он при этом стоит на земле, то устраивается у меня между ног, чтобы я мог быстро подхватить его на руки. Справедливости ради отмечу, что рыжий не из

пугливых: громкие сирены «скорой помощи» и полицейских машин его мало беспокоят. Живя и работая в центре Лондона, он успел к ним привыкнуть. Зато его пугают выпускающие выхлопные газы автобусы и грузовики. Едва заслышав громкое шипение, он выгибает спину и начинает оглядываться.

Грохот фейерверков, которые запускают на праздники, тоже нервирует Боба, но вообще ему нравится смотреть на рассыпающиеся по небу разноцветные искры из окна нашей квартиры.

Есть и другие сигналы. К примеру, я всегда могу сказать, в хорошем Боб настроении или нет, по тому, как ведет себя его хвост. Естественно, если рыжий спит, хвост тоже спит, то есть лежит неподвижно. Но в остальное время кот активно использует его для общения. Чаще всего Боб неспешно водит им из стороны в сторону, словно это не хвост, а дворник на стекле автомобиля. Это значит, что кот всем доволен. Обычно он делает так, когда увлеченно за чем-то наблюдает.

Женщина в твидовом костюме, которая попыталась украсть Боба, была не первой, кто счел подобное «виляние» хвостом признаком плохого настроения. Другие люди тоже заявляли, что кот раздражен и злится. Да, иногда рыжий злится, но в такие моменты его хвост движется стремительно и резко, как мухобойка.

Боб использует и менее явные сигналы. Когда он тревожится за меня, то подходит близко-близко и заглядывает в глаза. Если я плохо себя чувствую, рыжий забирается ко мне на руки и прижимает голову к груди. И делает еще много чего такого. В хорошем настроении он любит прийти и потереться об меня, громко при этом мурча. Иногда Боб подсовывает голову мне под руку, чтобы я его погладил и почесал за ухом. Зоологи и люди, изучающие поведение животных, могут иметь собственное мнение, но я считаю, таким образом кот говорит, что любит меня.

Конечно, чаще всего сигналы, которые передает Боб, касаются еды. Если он хочет, чтобы я пошел на кухню и покормил его, он начинает играть с дверцами шкафов. Поскольку он без труда справляется с детскими замками, которые я на них повесил, мне приходится идти и проверять, все ли в порядке. Когда я захожу на кухню, Боб обычно уже сидит на своем любимом месте у батареи с абсолютно невинным выражением на морде. Впрочем, оно быстро меняется на «раз уж ты пришел сюда, покорми меня!», сопровождаемое настойчивым мяуканьем.

Боб не успокоится, пока не получит лакомство. Иногда я пытаюсь не обращать внимания на его просьбы, но он умеет настоять на своем. Кот шлепает меня лапой по ноге, иногда выпуская когти, использует «кота в сапогах». Нет предела его фантазии, когда на кону угощение!

Одно время Боб с удовольствием наблюдал, как я играю на подержанной приставке X-box, купленной в благотворительном магазине. Особенно ему нравились автогонки. Рыжий сидел рядом, реагируя на каждый поворот и обгон. Как-то раз я даже заметил, что он повторяет движения машины! Впрочем, стоило мне перейти от гонок к «стрелялкам», его интерес угасал. Если я запускал такую игру, Боб укладывался в дальнем углу комнаты и недовольно смотрел на меня всякий раз, как на экране что-то взрывалось. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы расшифровать его послание: «Сделай, пожалуйста, звук потише. Кое-кто тут пытается подремать».

Я мог всерьез увлечься игрой, сесть за приставку в девять вечера и не вылезать до рассвета. Бобу это решительно не нравилось, он шел на все, чтобы привлечь мое внимание, особенно когда хотел есть.

Иногда, когда я был совсем уж невосприимчив к его чарам, рыжий прибегал к жестким мерам.

Как-то вечером мы играли в приставку с Бэлль. Боб, проглотивший ужин пару часов назад, решил, что пришло время подкрепиться. Сначала он использовал стандартный набор для привлечения внимания: мурчал, просительно мяукал, обвивался у меня вокруг ног, терся о них головой. Но мы с Бэлль были настолько заняты прохождением очередного уровня, что никак не реагировали на кошачьи ухищрения.

Тогда Боб на время отстал от нас и полез к проводам, подсоединявшим приставку к телевизору. Вскоре он уже двигался к пульту управления, чтобы прижаться головой к большой сенсорной кнопке посреди нее.

– Эй, Боб, ты чего делаешь? – рассеянно спросил я, слишком занятый игрой, чтобы наблюдать за действиями кота.

Через секунду экран погас, и приставка отключилась. Кот сидел рядом с пультом управления и невозмутимо смотрел на нас. Учитывая то, что мы с Бэлль были посреди очень сложного уровня, мы имели полное право разозлиться на Боба. Но вместо этого мы смотрели на темный экран с выражением одинакового недоверия на лицах. Потом перевели взгляд на кота.

– Он правда сделал то, что я думаю? – повернулась ко мне Бэлль.

– Я тоже это видел, значит, правда. Но… как?

Боб торжествующе прищурил глаза, всем своим видом говоря: «Попробуйте теперь не обращать на меня внимания!»

Мы не всегда полагались на язык тела или описанные сигналы. Иногда между нами возникало подобие телепатической связи, когда один из нас точно знал, о чем думает другой. Мы также научились предупреждать друг друга об опасности.

Через несколько дней после покупки велосипеда я решил свозить Боба в парк неподалеку от дома – его как раз недавно привели в порядок. Кот к тому времени приноровился кататься, сидя у меня на плечах, и наблюдал за дорогой, словно пассажир на мотоцикле.

Парк меня разочаровал. Несколько новых скамеек и кустов, а также нормальная детская площадка – вот и все перемены. Боб, тем не менее, был не прочь отправиться на разведку. Я время от времени спускал его с поводка, если видел, что это безопасно, и позволял коту погулять по травке. Пока Боб занимался исследованием территории, я читал комикс и грелся в солнечных лучах. А потом вдалеке залаяла собака.

«О-оу!» – подумал я.

Сначала я решил, что пес где-то в соседнем квартале. Но лай становился все громче, и я понял, что собака гораздо ближе, чем я думал. А потом увидел грозную немецкую овчарку, со всех лап бегущую к входу в парк. Собака была в ста ярдах от нас – без поводка и без хозяина.

– Боб! – закричал я, повернувшись к кустам, где минуту назад скрылся кот. – Боб, иди сюда!

Честно говоря, я потихоньку начинал паниковать. Но, как это часто с нами случалось, мы с рыжим оказались на одной волне: секунду спустя он выглянул из кустов. Стараясь ничем не выдать своего волнения, я махнул коту, подзывая его к себе. Я не хотел привлекать внимание овчарки. Боб сразу понял, что происходит. Он не боялся собак, но здраво оценивал свои силы. Учитывая размеры собаки, могу сказать, что вряд ли коту удалось бы выйти победителем из схватки.

Рыжего Боба на фоне зеленых кустов трудно было не заметить; овчарка сменила курс и, заливисто лая, мчалась уже в нашу сторону. Я испугался, что Боб не успеет сбежать, и схватил велосипед, готовясь броситься на линию огня. Если собака схватит рыжего, у него будут серьезные проблемы.

Но я снова недооценил своего кота.

Словно рыжая молния он метнулся через лужайку и был у моих ног как раз тогда, когда я опустился на одно колено. Плавным движением посадив кота на плечи, я вскочил на велосипед, надавил на педали и направился к выходу из парка.

Раздосадованная овчарка какое-то время преследовала нас, состязаясь в скорости с поскрипывающим железным конем. Боб, ощущая себя в полной безопасности, храбро шипел на громадного пса. Готов поспорить, выражение морды у него в тот момент было насмешливое.

«И что ты сейчас сделаешь, здоровяк?» – наверное, говорил он на своем языке.

Когда мы выехали на главную дорогу, ведущую к дому, я оглянулся, чтобы посмотреть, куда делась наша клыкастая Немезида. Оказалось, ее догнал хозяин, крупный парень в джинсах и черной куртке. Он пытался прицепить поводок к ошейнику, собака отчаянно сопротивлялась, но это были уже его проблемы, а не мои.

– Да, Боб, едва успели! – выдохнул я. – Слава богу, у нас есть Бобомобиль.

Странная парочка

К нам с Бобом редко заглядывали гости. У меня было немного друзей в Лондоне, а с соседями я мало общался. С некоторыми из них я бы с удовольствием поболтал, но могу пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз они бывали у нас дома.

Поэтому я всегда с опаской относился к неожиданным звонкам в дверь. Жизнь нечасто радовала приятными сюрпризами, так что на пороге я вполне мог обнаружить судебного пристава или собирателя долгов, пришедшего за деньгами, которых у меня не было.

И когда в девять утра прозвучал сигнал домофона – мы с Бобом как раз собирались на работу, – я, естественно, напрягся.

– Кого еще принесло? – недовольно пробормотал я, невольно оглядываясь на окна, хотя из моей квартиры невозможно было увидеть, кто стоит у подъезда.

– Джеймс, это Титч. Можно я зайду с Принцессой? – прозвучал знакомый голос.

– А, Титч! Да, конечно заходи. Я поставлю чайник, – облегченно вздохнул я.

Титч был невысоким худощавым парнем. Жилистый, практически лысый, он тоже пытался избавиться от наркозависимости – и тоже продавал журнал «Big Issue».

Не так давно в жизни Титча наступила черная полоса, и за последние месяцы он несколько раз приходил переночевать. Он был координатором «Big Issue» в Айлингтоне, но потом у него начались проблемы. Он остался без удостоверения, его на полгода отстранили от работы. Он до сих пор ждал, когда запрет снимут, и сейчас ему действительно не на что было жить.

Поскольку после встречи с Бобом я не раз чувствовал, что судьба дала мне второй шанс, я не отказывал Титчу в помощи. К тому же он мне нравился. Я знал, что у парня доброе сердце. Мы с ним неплохо ладили еще и потому, что оба работали в паре с четвероногим другом. Титчу помогала верная Принцесса, помесь стаффордширского бультерьера с лабрадором, красивая черная собака с миролюбивым характером.

Когда Титч останавливался у меня в прошлый раз, он оставил Принцессу в другом месте. Он знал про Боба и про то, что домовладельцу может не понравиться, что я пускаю в квартиру собаку. Но сегодня, видимо, ему некуда было ее пристроить. Я не представлял, чем может обернуться их визит, но решил рискнуть.

Услышав стук в дверь, Боб насторожился. Едва Принцесса переступила через порог, он выгнул спину, надулся и зашипел. Кошки ведут себя так, чтобы казаться больше и напугать противника. Для этой же цели они распушают хвост. Впрочем, Боб зря напрягался. Принцесса была очень дружелюбной собакой, к тому же она немного нервничала, оказавшись в незнакомом месте. Поэтому, увидев грозно надувшегося кота, она не зарычала, а замерла, испуганно принюхиваясь. Животные словно поменялись ролями: в обычной ситуации кошки собак побаиваются.

– Все в порядке, Принцесса, – пряча улыбку, сказал я. – Боб тебя не обидит.

Я отвел собаку в комнату и закрыл дверь, чтобы обезопасить ее от нападок рыжего.

– Джеймс, дружище, ты можешь денек присмотреть за Принцессой? – сразу перешел к делу Титч, когда я налил ему чаю. – У меня возникли проблемы с пособием, нужно съездить и разобраться.

– Конечно, – сказал я, не понаслышке зная, сколько времени это может занять. – Мне несложно. А тебе, Боб?

По выражению его морды трудно было сказать, что он думает на этот счет.

– Мы сегодня работаем на станции «Энджел». Она высидит там целый день? – спросил я.

– Да, без проблем, – кивнул Титч. – Я заберу ее прямо от метро в шесть вечера.

– Отлично!

– Ну все, договорились. Если я хочу разобраться с пособием до Рождества, пора бежать и занимать очередь, – улыбнулся Титч.

Заглянув ко мне в спальню, он потрепал Принцессу по холке.

– Будь умницей! – сказал он и вышел.

Как Боб уже продемонстрировал этим утром, у него не было проблем с собаками, если только они не пытались на него напасть. Но даже тогда рыжий мог постоять за себя и отпугнуть их рычанием и громким шипением. Когда мы с ним работали на Ковент-Гарден, одному чрезмерно любопытному псу даже досталось от него лапой по носу.

Надо сказать, Боб ревностно охранял свою территорию не только от собак. Котов он тоже не любил. Иногда мне казалось, что себя лично он котом не считает, поскольку на других Боб смотрел как на низших существ, недостойных дышать с ним одним воздухом.

В последние месяцы стало сложнее добираться до работы из-за того, что транспортная компания сняла с маршрута автобус, возивший нас из Тоттенхэма прямо до станции «Энджел». Теперь приходилось пересаживаться в Ньюингтон-Грин в паре километров от метро. Когда денег не хватало, мы шли пешком, и Боб настороженно принюхивался к домам, где, по его мнению, жили кошки. Если на пути попадались уличные коты, он ясно давал им понять, что это его территория. Как-то раз на Айлингтон-Грин нам встретился полосатый представитель местной мяукающей фауны. Боб чуть с поводка не сорвался, так ему хотелось поставить на место этого выскочку. У меня возникло ощущение, что я выгуливаю не кота, а крупного и очень агрессивного пса. Рыжему непременно нужно было продемонстрировать, кто тут главный. Судя по всему, с Принцессой он собирался поступить точно так же.

Признаюсь, несмотря на заверения Титча, я боялся, что с ней могут возникнуть проблемы. С собаками труднее сладить, чем с кошками. И уж конечно, собаку не посадишь на плечи, когда идешь по улице. Это досадное упущение значительно снижало скорость нашего передвижения. По пути к автобусной остановке Принцесса вела себя отвратительно – натягивала поводок, постоянно останавливалась, чтобы обнюхать ничем не примечательные кустики, и раза три на протяжении ста метров отклонялась от курса, чтобы сходить в туалет.

– Давай, Принцесса, иначе мы никогда не дойдем до остановки, – раздраженно сказал я, уже сожалея о том, что согласился помочь Титчу. А заодно вспомнил, почему никогда не хотел завести собаку.

Всю дорогу я пытался призвать Принцессу к порядку. У Боба таких проблем не было. В автобусе он, как обычно, сел у окна и оттуда пристально наблюдал за собакой, пристроившейся у меня в ногах. Каждый раз, стоило ей покуситься на его территорию, он награждал ее крайне выразительным взглядом, отбивавшим у Принцессы всякое желание продолжать попытки. Под сиденьем было не так много места, поэтому время от времени собака ворочалась, устраиваясь поудобнее. А Боб презрительно щурился: «Почему ты не можешь сидеть смирно, глупая псина?»

Непогода за окном разыгралась не на шутку, дождь лил как из ведра. Доехав до Айлингтона, я отвел Боба с Принцессой в небольшой парк, чтобы они сходили в туалет. Зря я это сделал. С котом проблем не возникло, а вот собаке потребовалась целая вечность на то, чтобы найти подходящее местечко. Потом я понял, что не взял с собой ни одного пакета для сбора собачьих испражнений. Пришлось рыться в мусорном ведре. Да, мне решительно не нравилось быть собачьей нянькой!

Дождь с каждой минутой становился все сильнее; мы с животными укрылись под навесом уличного кафе. Когда в дверях показалась официантка, я попросил принести чашку чая для меня, мисочку молока для Боба и воды для Принцессы. Потом я воспользовался туалетом в кафе, предварительно привязав своих подопечных к столику.

Я оставил их всего на пару минут, но за это время они успели выяснить отношения. Когда я уходил, Боб сидел на стуле, а Принцесса – под столом. Вернувшись, я обнаружил кота на столе рядом с миской молока; собака по-прежнему сидела под столом и угрюмо лакала воду. Не знаю, что именно

произошло, пока меня не было, но Боб, судя по всему, наглядно продемонстрировал, кто тут главный.

Пока мы шли к станции метро, рыжий, как обычно, привлекал внимание прохожих. Несмотря на дождь, несколько женщин остановились, чтобы поздороваться с котом и погладить его. А бедную Принцессу никто не замечал, люди даже не смотрели в ее сторону. Смешно, но я понимал, как она себя чувствует. Я уже два года жил в тени своего кота!

Дождь в конце концов прекратился, и мы добрались до нашего участка. Пока Боб устраивался на рюкзаке, а я раскладывал журналы, Принцесса легла в метре от нас, расположившись так, чтобы мы были у нее на виду. Я все еще боялся, что с ней не оберешься проблем, но собака внезапно оказалась полезным напарником.

Пока я метался среди прохожих, уговаривая их расстаться с парой фунтов и купить журнал, Принцесса внимательно наблюдала за мной, положив голову на тротуар; ее глаза под полуопущенными веками двигались, словно камеры видеонаблюдения, внимательно оценивая каждого, кто к нам приближался. Если человек не вызывал у нее опасений, она продолжала лежать, но если он ей чем-то не нравился, она садилась, готовая в любой момент вмешаться. Порой в ответ на чье-либо резкое замечание Принцесса испускала недовольный рык, а иногда могла и гавкнуть. Обычно этого хватало.

Через час после того, как мы приступили к работе, к нам, шатаясь, подошел подвыпивший гуляка с банкой пива. Подобные личности – настоящий бич станции «Энджел». Почти каждый день кто-нибудь подходит и заплетающимся языком просит подкинуть мелочи на выпивку. Принцесса сразу обратила на него внимание и сдержанно рыкнула, словно говоря «веди себя смирно». Она не была крупной собакой, но выглядела устрашающе. В этом отношении она пошла скорее в стаффа, чем в лабрадора. Пьянчужка резко сменил траекторию движения и отправился на поиски кого-нибудь более покладистого и менее зубастого.

Принцесса нервничала, стоило кому-нибудь присесть рядом с Бобом, чтобы погладить кота. Она сразу перебиралась поближе к нему и не успокаивалась, пока не убеждалась, что с самым маленьким членом нашего трио обращаются с должным уважением. Если ей что-то не нравилось, она начинала ворчать, и люди спешили убраться подобру-поздорову.

Неожиданно для себя я обнаружил, что Принцесса намного облегчила мне жизнь. Обычно во время работы я постоянно отвлекаюсь на Боба, особенно когда на улице много народу. Случай с женщиной в твидовом костюме до сих пор не шел у меня из головы. Поэтому я стал периодически поощрять свою помощницу, выдавая ей лакомство. Даже Боб пару раз одобрительно покосился в ее сторону. Кажется, он тоже решил пересмотреть свое мнение о новичке. «Может, она и небезнадежна», – наверное, думал он.

Хотя дождь прекратился, все равно было холодно. Время близилось к шести вечера, и я начал поглядывать по сторонам в ожидании Титча. Торговля сегодня шла хорошо, поэтому я уже собирался домой. Не хотелось мне торчать с Бобом на улице в такую непогоду дольше необходимого. Но Титча нигде не было видно.

Заметив идущего к метро координатора «Big Issue», я спросил, не видела ли она Титча.

– Я его уже несколько недель не видела. С тех самых пор, как у него начались проблемы.

– Понятно, – вздохнул я.

К половине седьмого я понял, что дальше ждать нет смысла. Конечно, люди, живущие на улице, не всегда сдерживали обещание, но от Титча я такого не ожидал.

– Вставайте, пойдем домой, – сказал я своим четвероногим коллегам. – Хозяин может забрать тебя и из Тоттенхэма, Принцесса.

Собирая вещи, я злился на Титча. И немного переживал за него. И за себя. Утром Боб смирился с присутствием собаки в квартире, но тогда дело ограничилось парой минут. Неизвестно, как он отнесется к тому, что Принцесса у нас заночует. И как сама Принцесса к этому отнесется? Я уже предвкушал бессонную ночь, полную лая, злобного шипения и жалоб от соседей.

В магазинчике по пути домой я купил корма для Принцессы. Я понятия не имел, чем она питается, поэтому взял банку обычных консервов и пачку сливочных

бисквитов.

Когда мы уселись ужинать, Боб еще раз дал понять, кто тут главный. Едва собака потянулась к миске с водой, которую я перед ней поставил, рыжий громко зашипел, заставив Принцессу отшатнуться. Сначала Боб будет лакать молоко, а потом собаке можно будет подойти к своей миске.

Впрочем, они довольно быстро нашли общий язык. Радушный хозяин Боб даже позволил Принцессе вылизать остатки своего ужина.

«Ну, все с вами ясно», – подумал я.

Но эта парочка приготовила мне сюрприз.

Устав за день, я уснул перед телевизором в десять вечера. Проснувшись ближе к полуночи, я пожалел, что у меня нет видеокамеры. Я бы заработал целое состояние на телешоу, которые показывают милые видео с животными. Боб с Принцессой тихо сопели, лежа рядышком на ковре. Еще вечером они сидели по разным углам: Боб – на своем любимом месте у батареи, Принцесса – у двери. Пока я спал, собака, видимо, решила перебраться туда, где потеплее, и вытянулась рядом с котом. Теперь ее голова лежала в нескольких сантиметрах от носа Боба. Если бы я не знал эту парочку, то подумал бы, что они друзья не разлей вода. Встав с дивана, я запер входную дверь, выключил везде свет и пошел в спальню, оставив животных в большой комнате. До утра все было тихо, но проснулся я от громкого лая.

Мне потребовалось время, чтобы сообразить, откуда у нас дома собака.

– Что случилось, Принцесса? – спросил я, выпутываясь из одеяла.

Говорят, некоторые животные чувствуют приближение хозяев. Моя подруга Бэлль иногда оставалась с Бобом у нас дома, и она рассказывала, что он всегда заранее знает, что я близко. Несколько раз он забирался на окно в кухне и принимался взволнованно смотреть вниз за несколько минут до того, как я подходил к подъезду. Очевидно, у Принцессы тоже был развит дар предвидения, поскольку вскоре я услышал звонок домофона. Это был Титч.

– Прости, что подставил тебя вчера вечером, но кое-что произошло, – извиняющимся тоном произнес он.

Я не стал спрашивать, что именно случилось. В моей жизни было немало таких дней. Вместо этого я поставил чайник и вставил два куска хлеба в тостер. Судя по виду Титча, горячий завтрак ему не помешал бы.

Боб дремал у батареи, Принцесса свернулась калачиком в паре футов от него; прикрыв глаза, она наблюдала за новым другом. Титч явно не ожидал увидеть нечто подобное.

– Посмотри, как эти двое спелись! – улыбнулся я.

– Сам вижу, даже не верится, – ответил Титч, широко ухмыляясь.

Титч был не из тех людей, кто упустит такую возможность.

– Значит, ты не будешь против снова присмотреть за ней? – невинно поинтересовался он, откусывая тост.

– Почему бы и нет? – спросил я.

Призрак на лестнице

Дождь лил, не переставая, несколько дней; улицы Лондона превратились в каналы для плавания на байдарках. Нам с Бобом надоело возвращаться домой промокшими до нитки, поэтому в тот день я решил уйти с работы пораньше. Мне не терпелось оказаться в теплой квартире, снять с себя мокрую одежду и пустить кота к батарее.

Лифт в нашем доме ходил через раз. Несколько минут я настойчиво жал на кнопку вызова в тщетной надежде, что кабина все-таки спустится с шестого

этажа. Напрасно. Он снова сломался.

– Отлично, – проворчал я. – Боб, боюсь, нам придется идти пешком.

Кот ответил мне несчастным взглядом.

Но ничего не поделаешь. Я присел, чтобы он мог забраться ко мне на плечи. Мы как раз приступали к покорению последнего пролета – между пятым и шестым этажами, – когда я заметил человека, стоявшего в тени на лестничной площадке.

– Подожди-ка, Боб, – тихо сказал я, спуская кота.

Хотя я не успел толком рассмотреть незнакомца, что-то в его поведении меня насторожило. Поднявшись по лестнице, я увидел, что мужчина стоял, прислонившись к стене и нагнувшись вперед. Штаны у него были наполовину спущены, а в руке поблескивало что-то металлическое. Я сразу понял, что происходит.

В прошлом этот дом был любимым местом наркоманов и наркодилеров. Люди курили травку и кололись героином прямо на лестнице, как человек, стоявший сейчас на нашей площадке. С тех пор как я сюда переехал, полиция неплохо поработала, и ситуация значительно улучшилась. И все же время от времени к нам в подъезд забредали торгующие наркотиками подростки. Конечно, по сравнению с моим прошлым жильем в Далстоне, тут был настоящий рай. Там было не протолкнуться от наркоманов. И все же нынешние жильцы нередко высказывали недовольство. Впрочем, они имели на то полное право. Мало кто хочет, чтобы вернувшийся из школы ребенок наткнулся на сидящего у двери его квартиры обколотого наркомана.

Для меня же эти люди были призраками прошлого, от которого я отчаянно пытался избавиться. Я продолжал бороться с зависимостью и понимал, что буду бороться до самой смерти. К несчастью, такова природа этого порока. Но с тех пор, как в моей жизни появился Боб, я сделал большой шаг вперед и теперь был на пути к полному выздоровлению. Сначала я перешел с героина на метадон, а теперь принимал субутекс, мягкий препарат, который должен был постепенно избавить меня от зависимости. Психолог из клиники, где я наблюдался, сравнивал завершающий этап лечения с посадкой самолета: субутекс поможет

мне мягко приземлиться. На тот момент я принимал его уже семь месяцев. До посадки оставалось совсем немного, и я уже видел впереди огни аэропорта. Все шло по расписанию, и я чувствовал, что скоро буду готов ступить на твердую землю.

А теперь этот наркоман на площадке. Я бы прекрасно обошелся без подобных напоминаний!

Это был коротко стриженный мужчина лет сорока, в черной куртке, футболке, джинсах и старых кроссовках. К счастью, он оказался вполне мирным, даже извинился, что с такими людьми случалось нечасто. Вежливость – не самая сильная сторона наркоманов.

– Прости, друг, я сейчас уйду, – сказал он с сильным истэндским акцентом, вытаскивая шприц из ноги и натягивая штаны. По характерному стеклянному взгляду я понял, что он успел уколоться.

Я решил подождать, пока он уйдет, поскольку знал, что не стоит верить наркоманам на слово.

Слегка пошатываясь, незнакомец побрел к лифту. Боб поднялся по ступенькам и стал позади меня. Я хотел, чтобы кот поскорее оказался в безопасном месте, поэтому направился к нашей двери. Но не успел я вставить ключ и впустить Боба, как послышался громкий стон. Я повернулся и увидел, что наркоман заваливается на пол, как мешок картошки.

– Эй, с тобой всё в порядке? – зачем-то спросил я, подбегая к нему.

Ясно же, что ему плохо. Очень плохо. Кажется, он перестал дышать.

– Господи, у него передоз! – прошептал я, узнавая симптомы.

К счастью, у меня с собой был мой старый мобильник. Я позвонил в службу спасения и попросил прислать «скорую». Женщина на том конце линии записала адрес и предупредила, что машина приедет минут через десять, не раньше.

– Можете описать, в каком он состоянии? – спокойным профессиональным тоном спросила она.

– Он без сознании и не дышит, – ответил я. – И его кожа меняет цвет.

– Так, похоже, у него остановилось сердце. Нужен непрямой массаж. Знаете, как это делается?

– Да. Но будет лучше, если вы мне объясните по пунктам.

Женщина сказала, что надо повернуть потерявшего сознание на бок и проверить, что его дыхательные пути не забиты. Затем нужно положить его на спину и давить на грудь, чтобы запустить сердце. И периодически делать ему искусственное дыхание.

Я делал непрямой массаж и считал вслух. Дойдя до тридцати, я остановился и проверил, есть ли улучшения. Сотрудница службы спасения по-прежнему была на связи.

– Реагирует?

– Нет. И не дышит, – сказал я. – Попробую еще.

Я продолжал делать массаж еще минут семь: несколько раз давил на грудь, потом переходил к искусственному дыханию и обратно. Странно, но я был абсолютно спокоен. Теперь я понимаю, что в таких ситуациях мозг начинает работать по-другому. Эмоциональная часть происходящего осталась где-то в стороне. Я сосредоточился на физической реальности и пытался заставить этого парня снова дышать. Но, несмотря на все усилия, он не подавал признаков жизни.

В какой-то момент наркоман издал булькающий звук. Я вспомнил что-то о предсмертном хрипе, вроде бы так люди пытаются в последний раз вдохнуть воздух. Не хотелось мне думать, что я слышал именно это.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я услышал звонок домофона и впустил в подъезд бригаду «скорой помощи». К счастью, лифт к тому моменту

уже заработал, так что врачи были на шестом этаже через минуту. Опустив сумки со снаряжением на пол, они немедленно достали дефибриллятор и разрезали на мужчине футболку.

– Сэр, отойдите, – сказал медик. – Теперь мы сами.

Следующие пять минут они тщетно пытались вернуть его к жизни. До меня к тому времени дошло, что случилось, и я стоял в дверях своей квартиры, с трудом сдерживая нервную дрожь.

В конце концов один из медиков повернулся к другому и сказал, что смысла продолжать нет.

Они неторопливо накрыли тело покрывалом и начали убирать аппаратуру.

Я чувствовал себя так, будто меня ударило молнией. Ноги не держали. Ребята из «скорой» спросили, все ли со мной в порядке.

– Нормально, только, кажется, мне надо сесть, – выдохнул я.

Боб все это время сидел в квартире, но теперь вдруг появился на пороге, словно почувствовав, что мне плохо.

– Пойдем, нечего тебе тут делать, – сказал я, подхватывая кота на руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzheyms-bouen/mir-glazami-kota-boba-novye-priklucheniya-cheloveka-i-ego-ryzhego-druga/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Big Issue» – журнал, созданный основателем парфюмерной империи «The Body Shop» Гордоном Роддиком и журналистом Джоном Бердом в Лондоне в 1991 году. Этот журнал не лежит на прилавках, его невозможно купить в киосках или взять со стола в кафе. Его можно приобрести единственным путем – у уличного продавца. За двадцать с лишним лет эта организация помогла тысячам и тысячам обездоленных людей зарабатывать себе на жизнь без попрошайничества и абсолютно легально. Для того чтобы стать продавцом, человек должен доказать, что он бездомный или скоро таковым станет. Он проходит инструктаж, ему зачитывают своеобразный кодекс поведения. Поставив подпись после прохождения необходимых условий, теперь уже продавец получает определенное количество журналов на руки. После продажи партии приходит за следующей. Выручка делится пополам: одна часть сдается, другая оставляется продавцу. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Имельда Маркос – жена десятого президента Филиппин Фердинанда Маркоса. Прославилась любовью к роскоши – она тратила миллионы долларов на драгоценности и одежду. Ей принадлежало более 3000 пар обуви.

3

Сэр Брэдли Марк Уиггинс – британский велогонщик, четырехкратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира и победитель «Тур де Франс».

Купить: https://tellnovel.com/dzheyms-bouen/mir-glazami-kota-boba-novye-priklyucheniya-cheloveka-i-ego-ryzhego-druga-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити